

В дороге Чэнь Чжэнго не стал вдаваться в подробности своих дел, но вкратце объяснил, ради чего разыскал ребят.

Ли Кай и Ван Сюань переглянулись. Ван Сюань испуганно замахал руками, уверяя, что ничего предосудительного они не замыслили. Если Чэнь Чжэнго мазь пришлась по душе, он готов дать еще несколько баночек — совершенно бесплатно.

— Понадобится — берите сколько нужно, — подхватил Ли Кай. — Вы нам за эти годы и так столько помогали.

К тому же Ли Кай частенько использовал имя командира полка как прикрытие, объясняя односельчанам происхождение их доходов, так что требовать деньги за какую-то мазь было бы верхом наглости.

— Послушайте меня, ребята, — мягко прервал его Чэнь Чжэнго. — Дело вовсе не в тех нескольких баночках, что я взял. Мазь показали специалистам, и результаты превзошли все ожидания. Для большинства военных это настоящее спасение. Она не просто снимает боль, но при регулярном использовании постепенно лечит застарелые травмы. Пусть исцеление идет небыстро, но ничего лучше сейчас просто нет.

Он сделал паузу и добавил:

— Сверху пришел запрос: у вас хотят выкупить сам рецепт.

— Да не нужно ничего покупать! — воскликнул Ван Сюань. — Если надо — берите так.

— Дайте мне договорить, — улыбнулся командир. — Государство не станет наживаться на детях. На лечение подобных недугов ежегодно уходят колоссальные средства. Пусть даже расходы покрывает казна, это все равно огромная статья бюджета.

А ведь многие солдаты при обострениях просто терпели, не имея никакой возможности облегчить муки.

В те годы лозунги о безвозмездном вкладе в общее дело звучали на каждом углу. Считалось величайшей честью отдать государству любое ценное изобретение ради одной лишь похвальной грамоты. Люди любили патетически вопрошать: «А что ты сделал для Родины? Проливал ли за нее кровь, проливал ли пот?»

То было время горячих, порой слепых порывов, но нельзя было отрицать искренность тех сердец. Их патриотизм был чище и бескорыстнее, чем в любые последующие эпохи.

Однако Ли Кай и Ван Сюань оставались детьми — подростками, которым еще предстояло учиться, а учеба требовала денег. Именно поэтому Чэнь Чжэнго не решился доверить эти

переговоры кому-то другому. Он опасался, что мальчишки поддадутся общему порыву и бездумно отдадут рецепт за спасибо. Вообще-то, офицеру его ранга не пристало лично заниматься подобными делами, но он сам вызвался добровольцем, резонно рассудив, что раз уж первая баночка мази попала к руководству от него, то и вести диалог должен он. Заодно Чэнь Чжэнго подробно изложил начальству непростую жизненную ситуацию ребят.

«Жертвовать собой и совершать подвиги — удел взрослых, — твердо верил командир. — Требовать того же от детей — безумие. Они слишком юны».

Он всегда со щемящей болью читал газетные передовицы о «юных героях», особенно о тех, кто заплатил за свой подвиг собственной жизнью. В стране, где культивировался дух самопожертвования, неокрепшие умы легко поддавались пропаганде. Школы и газеты превозносили павших пионеров-героев, ставя их в пример. В самом стремлении к подвигу не было ничего дурного, но Чэнь Чжэнго пугало другое: столкнувшись с реальной опасностью, дети не бежали за помощью к взрослым. Они не осознавали масштаба угрозы, не умели спасти собственные жизни и в одиночку бросались в пекло, мечтая о славе.

— То, что вы согласны поделиться рецептом, уже огромный вклад, — серьезно произнес Чэнь Чжэнго. — Но получить его даром мы не имеем права. Понимаете?

Существовали ли аналоги этой мази в других частях страны, он не знал, но в их краях ничего подобного не было даже у национальных мастеров медицины, сосланных в деревни. Мазь Ван Сюаня творила чудеса. Нога командира, когда-то сильно застуженная на службе, раньше нестерпимо ныла при малейшем похолодании, а теперь почти не беспокоила. Вот почему военное руководство проявило такой интерес.

Что же касается вопроса, откуда у деревенского мальчишки взялся столь чудодейственный рецепт, Чэнь Чжэнго приложил немало усилий, чтобы составить для отчетов гладкую, правдоподобную историю. Сам он лезть подростку в душу и расспрашивать о секретах не собирался.

Мальчики притихли, переваривая услышанное. Наконец Ли Кай нарушил молчание:

— Нам туда, — он резко свернул в один из переулков, меняя маршрут.

Чэнь Чжэнго едва сдержал улыбку, сделав вид, будто ничего не заметил. Ван Сюань же мгновенно залился густым румянцем. Дело в том, что Ли Кай изначально планировал затащить их спутника в самый дорогой и роскошный ресторан, который недавно открылся в уезде. Но теперь, когда выяснилось, что командир избавил их от кучи проблем да еще и выбил для них денежную премию, обдирать его как липку стало совестно. Стоило выбрать заведение поскромнее, чтобы сберечь офицерский карман.

— Ты чего? — добродушно спросил Чэнь Чжэнго. — Сбил с дороги? Не надо сворачивать, идем как шли.

Ли Кай остановился и пытливо взглянул на мужчину. Лицо командира выражало абсолютное добродушие и искренность.

— Ну ладно, — буркнул парень и развернулся обратно.

— Да ладно тебе, — не выдержал и хмыкнул Чэнь Чжэнго. — Разве в нашем уезде найдешь заведение, которое способно меня разорить? У меня приличные командировочные, так что на хороший обед точно хватит.

С его положением и происхождением глупо было бы жаловаться на нехватку средств. Мало кто в его кругах жил на одно лишь официальное жалованье, так что траты на ресторан для него были сущими пустяками.

Командиру эти двое казались невероятно забавными. Сначала они решили, что у них просто забирают рецепт, и безропотно согласились его отдать. Правда, Ли Кай тут же вознамерился в отместку обобрать «обидчика» в ресторане, а Ван Сюань молча поддержал эту затею. Но стоило им узнать, что о них позаботились, как они тут же устыдились и пошли на попятную. Годы, проведенные плечом к плечу, закалили характер мальчишек и научили их понимать друг друга без слов.

— Ну, смотрите, сами напросились, — буркнул Ли Кай. — Если потом не хватит на билет до дома, пеняйте на себя.

— Не буду, не буду, договорились, — рассмеялся Чэнь Чжэнго.

Ван Сюань поспешно дернул за рукав готового вскипеть друга и примиряюще улыбнулся командиру:

— На самом деле мы плохо знаем город. Все время в школе, а на выходные сразу уезжаем в деревню. Просто наслушались рассказов одноклассников. Ли Кай просто прослышал, что этот новый ресторан невероятно красивый и... очень чистый.

Ли Кай действительно проходил мимо того здания десятки раз. Больше всего на свете ему хотелось попробовать здешнюю фирменную свинину в соевом соусе, о которой взахлеб рассказывали городские ребята, побывавшие там с родителями. В представлении деревенских мальчишек в такие заведения пускали только важных начальников и партийных работников, приехавших по государственным делам. Сами они могли лишь глотать слюнки. О настоящей свинине «хуншао» они знали только по слухам — мол, для ее приготовления требуется уйма специй, а вкус получается просто божественным.

Обычное-то мясо — даже просто отваренное в воде без соли — казалось им пищей богов. А уж если приправить его заморскими специями и соусами... От одних только мыслей об этом кружилась голова. Впрочем, мясо у них водилось: живя у леса, они время от времени баловали себя дичью, но большую часть добычи приходилось тайно нести на черный рынок, чтобы

выручить деньги и талоны. Настоящего пира они себе позволить не могли, да и готовить изысканно не умели.

— Прекрасно тебя понимаю, — серьезно кивнул Чэнь Чжэнго. — Я и сам не прочь отведать этой хваленой свинины.

Ли Кай украдкой сглотнул слюну. Значит, хуншао на столе точно будет!

Распахнутые настежь двери, сияющие белизной витринные стекла, тяжелая мебель из полированного красного дерева — все вокруг дышало чистотой и важностью. Мальчики невольно опустили глаза. Их простецкие тканевые туфли после прогулки по заснеженным улицам обросли коркой черной жирной грязи. Ступать в таком виде на зеркальный пол казалось кощунством. Даже вечно напористый Ли Кай на мгновение растерялся и робко замер на пороге.

Большинство здешних посетителей приезжали на легковых автомобилях, так что их обувь оставалась безупречно чистой.

Чэнь Чжэнго деликатно притворился, будто не замечает их замешательства, и уверенно пошел вперед. Ли Кай шумно прочистил горло, взял себя в руки и, потянув за собой застывшего Ван Сюаня, зашагал следом, стараясь ступать как можно тверже и шире.

Командир, шедший чуть впереди, почуял уверенные шаги за спиной, и уголки его губ невольно поползли вверх.

«А парень-то не промах, — подумал он. — Если не свернет на скользкую дорожку, далеко пойдет. Какая хватка, какое самообладание и гордость!»

Впрочем, если этот сорванец все же решит податься в криминал, хлопот с ним не оберешься.

В новом ресторане было два этажа. Офицер увлек ребят сразу на второй. Обслуживание здесь разительно отличалось от привычного хамства обычных государственных забегаловок. Местные официанты вели себя на удивление вежливо — видимо, понимали, что среди гостей слишком много важных чинов, с которыми шутки плохи.

— Давайте устроимся здесь, — предложил Чэнь Чжэнго. — Отличный вид.

В те годы многоэтажные здания в уездном городке были редкостью — в основном взгляду открывались серые черепичные крыши одноэтажных домиков и глухие стены сыхэюаней. Лишь редкие административные постройки возвышались над этой приземистой массой, выглядя сиротливо и важно.

Сейчас их крыши были укрыты пушистыми шапками свежего снега. Зима в городе всегда

ассоциировалась с пронизывающей стужей, непролазной грязью и разбитыми дорогами, ходить по которым было куда тяжелее, чем летом. Под ногами вечно хлюпало, а в тесных переулках царили полумрак и сырость. Но мальчишки и подумать не могли, что, если взглянуть на зимний городок сверху, он покажется столь живописным. С высоты второго этажа вся дорожная слякоть и убожество словно растворились, уступив место праздничному покою и чистой, торжественной тишине.

Это заведение проектировали с размахом, по стандартам приема иностранных делегаций. Правда, откуда в глухой провинции взяться иностранцам? В итоге ресторан превратился в закрытый клуб для местного партийного руководства. Простым рабочим вход не закрывали, но ломившиеся от деликатесов меню были им явно не по карману.

— Да в такой обстановке и аппетит другой, лишние пару пиал риса уговорить — раз плюнуть!
— довольно сощурился Ли Кай.

Чэнь Чжэнго раскатисто расхохотался:

— Ну так ешьте сколько влезет, сегодня я плачу!

Ли Кай расплылся в улыбке. На сей раз он даже не попытался сострить или съязвить в ответ — слова командира пришлись ему по душе. А как иначе? Еда ведь для того и нужна, чтобы набивать живот до отвала! Разногласий по этому вопросу у них не возникло, и подросток заметно оттаял.

Он первый завел непринужденный разговор: расспрашивал про столичные зимы, про армейский быт и кучу других мелочей. Чэнь Чжэнго охотно поддерживал беседу, делаясь тем, о чем дозволено было говорить гражданским. Пока они увлеченно беседовали, Ван Сюань тихонько подливал им горячую воду и внимательно впитывал каждое слово офицера.

Под конец Ли Кай мечтательно вздохнул:

— Мы с Ван Сюанем очень хотим поступить в университет в столице. Мечтаем увидеть площадь Тяньаньмэнь и Великую китайскую стену.

— Достойная цель, — одобрительно кивнул командир. — Но придется попотеть. Сейчас вузы открывают двери для способной молодежи, и страна как никогда нуждается в светлых умах. Ваше поколение — наша главная надежда.

Он поинтересовался их успехами в учебе, и Ли Кай с гордостью отдувался за двоих.

К тому времени, когда на столе появилась половина заказанного, от прежней робости Ли Кая не осталось и следа. Он по-хозяйски подозвал официанта и попросил поскорее принести рис и пампушки: сидеть и вдыхать умопомрачительные ароматы в ожидании всей смены блюд было

выше его сил.

Чэнь Чжэнго не стал возражать. Он прекрасно понимал, каким волчьим аппетитом обладают растущие парни, а потому заказывал сытную, простую еду огромными порциями. Первым делом на стол подали исходящую паром тушеную пекинскую капусту со стеклянной лапшой, а следом — ту самую свинину «хуншао», от одного вида которой у Ли Кая перехватило дыхание.

<http://bllate.org/book/19654/1996744>